

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

СЛОВО

ПАМНТЬ

СЛОВ

СЛДВ

СЛОВ

ПАМНТЬ

СЛОВ

СЛОВ

ЗАЛЕСЬЕ:

ПЕРВЫЙ СЛУЩАТЕЛЬ

Евгений Фюжен

Залесье: Первый Слушатель

«Автор»

2026

Фюжен Е.

Залесье: Первый Слушатель / Е. Фюжен — «Автор», 2026

3 книга по Вселенной Залесья. Когда истории становится больше, чем слушателей, рождается Тишина. Она не злодейка и не спасительница — она архив, переполненный до предела, который пожирает способность людей слышать друг друга. Для Веры, девочки с необычным даром видеть скрытые слои реальности, начинается путешествие в Глубинное Залесье, где живые деревья охраняют чужие истории, мальчик, который молчит, может спасти мир, а Первый Слушатель только начинает просыпаться.

© Фюжен Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Фюжен

Залесье: Первый Слушатель

Глава первая: «Белый шёпот»

Вера знала, что мир болен, ещё до того, как прозвенел звонок на урок.

Она чувствовала это по *весу воздуха* – он стал легче, словно кто-то выкачал из атмосферы ртуть, оставив только азот и предвкушение. Она чувствовала это по теням: они лежали не под ногами, а чуть в стороне, как будто свет струился не сверху, а из-под угла, и тени пытались, но не могли угадать направление. И она чувствовала это по *шёпоту* – не звуковому, а визуальному. На краю зрения мелькали полупрозрачные облака с надписями: [СТАТУС: ОЖИДАНИЕ], [ЗАГРУЗКА СМЫСЛА: 7%], [ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ПАМЯТЬ НЕ ОТВЕЧАЕТ].

Она унаследовала это от отца. Отец называл это «маркерами», когда был моложе, а теперь – когда он садился у окна с чашкой чая, которая остывала, потому что он забывал её пить, – он называл это просто «погодой».

– Сегодня будет дождь из букв, – сказал он утром, глядя на серое небо. – Но буквы будут беззвучные.

Вера сидела за партой в классе 9 «Б» и смотрела, как учитель литературы – Игорь Михалыч, который ещё в прошлом году читал им «Героя нашего времени» с мурашками на руках, – открывает учебник.

Он замер.

Его палец ткнул в страницу, проскользнул по строке, потом снова, снова, сдергивающееся движение, как будто он читал текст, написанный на иностранном языке, который он знал когда-то, но забыл.

– И-горь... Ми-ха-лыч? – протянул Витя Петров с задней парты.

Учитель поднял глаза. В них не было испуга. Было *отсутствие*. Белое, матовое, как старый экран монитора.

– Буквы, – сказал Игорь Михалыч чётко, слог за слогом, но без ударений, как робот севшей батарейки. – Б-у-к-в-ы. З-в-у-к-и. С-л-о-в-а.

Он замолчал. Его губы продолжали шевелиться, но из них выходил только воздух – свистящий, пустой. Он смотрел на класс, и Вера поняла: он не понимает, что они говорят. Слова потеряли для него *смысл*, превратившись в шум, в белый шёпот, в статику между радиостанциями.

Она встала. Маркеры перед глазами вспыхнули красным: [АНОМАЛИЯ: НЕЙРОСЕМАНТИЧЕСКИЙ СБОЙ], [ИСТОЧНИК: БЕЛОЕ ПЯТНО].

– Игорь Михалыч, – тихо сказала она. – Вы заблудились?

Это была фраза из детства. Её мать, Зоя, всегда спрашивала так, когда Вера просыпалась ночью от кошмара и не могла вспомнить своё имя. «Ты заблудилась в словах?» – спрашивала мать, и тогда Вера возвращалась.

Но сейчас, когда Вера произнесла это вслух, учитель не отозвался. Он только наклонил голову, как старая камера, пытающаяся сфокусироваться на призраке. Потом он снова посмотрел на учебник. Потрогал страницу. Поднёс её к лицу – и понюхал, как животное.

Класс зашумел. Не от страха, нет. Студенческий страх – это крик, вскрики, бегство. Это было... любопытство отстранённое. Дети снимали происходящее на телефоны, но не звонили в скорую. Один из них, Сеня Фролов, даже улыбнулся:

– Вот это контент, – сказал он. – Вайрал пойдёт.

– Он не вайрал, – сказала Вера, сжимая края парты. – Он *белое пятно*.

Слово вырвалось само. Она слышала его от отца, когда он говорил с мамой шёпотом, ночью, когда думали, что Вера спит. «Белые пятна расплзаются», – говорил отец. «Залесье переполнено. Некому слушать».

Игорь Михалыч медленно, с трудом, как будто его конечности были связаны невидимыми нитями, двинулся к окну. Он вышел в проём – не разбив стекла, просто прошёл сквозь него, как призрак, – и остановился над пустым двором.

Он открыл рот.

И закричал.

Но это был не крик. Это был *разрыв*. Звук, похожий на то, как рвётся бумага, если бумагу сделать из голосов и воздуха. Двор отозвался эхом, и в этом эхо не было слов. Был только *голод*.

Вера бросилась к окну. За окном, на бетонном пятачке между клумбами с осенними астерами, росло *ничто*. Не дыра, не тьма. Белое пятно, которое поглощало цвета. Астеры внутри него не вяли – они просто *стирались*, становясь чёрно-белыми, потом серыми, потом – линиями контура, потом – ничем.

Игорь Михалыч стоял на краю этого пятна. Он начал терять форму. Его пиджак развёлся, но не от ветра – от *обнуления*. Он становился прозрачным.

Вера схватила рюкзак. Внутри, в потайном кармане, лежало то, что она никому не показывала – старый кожаный дневник с коричневой обложкой, выцарапанной корнями. Отец называл его «Архив». Он говорил, что когда-нибудь Вера должна будет его прочесть. Но не сейчас. «Когда станет тихо», – говорил он.

Сейчас стало очень тихо.

Она выбежала из класса, игнорируя крики одноклассников, игнорируя звонок в телефоне – мать звонила, но на экране вместо имени «Мама» светилось: [СУЩНОСТЬ: ЗОЯ_РИСУЮЩАЯ, СТАТУС: НЕДОСТУПНА].

В коридоре школы было пусто. Не потому что все пошли домой. Потому что *их не было*. На месте дверей в другие классы висели белые прямоугольники – как на месте удалённых файлов. Вера бежала мимо, чувствуя, как холод проникает в лёгкие. Воздух становился всё легче, всё пустее.

Она выбежала на улицу.

Игорь Михалыч исчез. На его месте стояло только белое пятно – идеально круглое, диаметром с человеческий рост. На краю росла трава, но не зелёная. Серая. Бесцветная. И в центре, в самой белой точке, лежал предмет.

Вера подошла ближе, дрожа.

Это была яблоко.

Но не яблоко. Это был *плод*, такой же, как те, что описывал отец в дневнике – матовый, с венами, похожими на текст, но текст был стёрт, зачеркнут чёрными полосами. Плод был мёртв. Или нерождённый.

Вера упала на колени. Она открыла дневник наугад, страницы шелестели под пальцами, ищущими спасение.

И нашла:

«Когда историй становится больше, чем слушателей, рождается Тишина. Она не злодейка. Она – чистильщик. Она ест не сказки, а способность их слышать. Если белые пятна появились – Залесье не умирает. Оно задыхается от избытка. От урожая, который некому собрать».

Вера посмотрела на плот. Потом на белое пятно. Потом на небо.

Там, между облаками, проступала тень. Не от солнца. Не от самолёта.

От чего-то, что было размером с город, но не имело формы. Только *отсутствие*.

Тишина смотрела вниз. И впервые за десять лет Вера почувствовала, что забывает своё имя. Его слоги разваливались на отдельные звуки. В-е-р-а.

Она схватила мёртвый плод. Он был тяжёлым, как камень, и холодным.

– Я слушаю, – прошептала она в пустоту. – Я здесь. Я слушаю.

И Тишина замерла.

На мгновение.

Глава вторая: «Корни в бетоне»

Вера бежала, но не домой. Дом – квартира с запахом маминых красок и папиного чая – казался слишком хрупким, слишком *реальным*, чтобы там прятаться. Белое пятно за спиной не двигалось, оно *расширялось*, поглощая звуки города: гул машин становился тише, сирены – приглушеннее, будто кто-то накручивал ручку громкости мира против часовой стрелки.

Она бежала к реке. Туда, где Москва-река делала петлю у старого завода, и где, согласно дневнику отца, «корни пробиваются сквозь асфальт, если знать, куда топтать ногой».

Плод в её руке тяжелел с каждым шагом. Он впивался в ладонь, не колючками – а *вопросами*. Каждый раз, когда она моргала, перед глазами мелькали чужие кадры: женщина в старом платье, режущая хлеб ножом, который не режет; мальчик, ищущий в темноте выключатель, которого нет; старик, читающий книгу с пустыми страницами. Это были *обрывки*, фрагменты историй, которые Тишина уже успела съесть, не успев переварить.

Вера споткнулась о бордюр. Плот выпал из рук и покатился по асфальту, оставляя за собой темный след – не маслянистый, а *чернильный*, как будто плод истекал текстом.

– Не трогай!

Голос был резким, хриплым, с *metallic emphases*, словно говорящий проглотил микрофон.

Вера обернулась.

Он стоял у опоры моста, в тени, где солнце не заглядывало десятилетиями. С виду – её ровесник, может, чуть старше, шестнадцать. Но силуэт был неправильный. Его левая рука висела безжизненно – нет, не безжизненно, а *древесно*. Кожа на предплечье была корой, серая, с глубокими трещинами, в которых пульсировал зелёный свет. Волосы – спутанные, с листьями, прилипшими к ним, хотя вокруг не было деревьев. И глаза. Один – карий, человеческий, другой – янтарный, с вертикальным зрачком, как у кошки, или у совы.

– Корь? – прошептала Вера. Она слышала о нём от отца. *Сын Тихона. Родился уже полудеревянным. Живёт в подмосковье, ухаживает за отцом-деревом.*

– Ты Вера, – это не был вопрос. Он смотрел на неё своим янтарным глазом, и она почувствовала, как он *видит* сквозь неё – не тело, а историю, линию жизни, пульсирующую в височной жиле. – Ты неся плод. Мёртвый плод. Он заразен. Белое расползается через него.

Он шагнул вперёд, и Вера увидела, что он хромает. Не так, как хромают люди – у него нога впивалась в землю корнями, которые тут же отрывались с хрустом асфальта, оставляя влажные следы.

– Отец послал, – Корь наклонился, поднял плот кончиками пальцев, которые заканчивались не ногтями, а острыми заострёнными древесными пластинами. – Сказал: «Белая тишина проснется в центре. Пойди. Забери девочку. Приведи к башне».

Он понюхал плод и скривился.

– Гнилой. Уже внутри пусто. Тишина съела сердцевину.

– Что мне делать? – Вера всё ещё сидела на асфальте, её ладонь горела там, где касалась плода. – Учитель... он исчез. Просто стёрся.

Корь вдруг присел на корточки рядом с ней, его лицо оказалось уровнем с её лицом. В янтарном глазе плавали отражения – не моста и реки, а лес, гигантские деревья, застывшие в позе молитвы.

– Тишина не ест тело, – сказал он тихо, и его дыхание пахло смолой и мокрой землёй. – Она ест *название*. Она делает так, чтобы слова не соответствовали вещам. Чтобы «мама» не значило маму. Чтобы «дом» не значил дом. Понимаешь?

Вера кивнула. Она понимала. В последние дни мама всё чаще смотрела сквозь неё, как будто забывала, кем она является. Не всегда, но на секунды, на мгновения, как сбой в картинке.

– Нужно идти к отцу, – сказала она, вставая. Её коленки дрожали.

– Нужно идти ко *моему* отцу, – поправил Корь. – Твой... он уже плохо помнит имена. Память – это первое, что смягчает Тишина, перед тем как съест язык.

«Башня на набережной» перестала быть офисным зданием десять лет назад. Сейчас это был *ствол*, забитый в бетонный фундамент города, как клин. Снаружи он всё ещё выглядел как стекло и сталь, но если подойти ближе – в промежутках между панелями просвечивала кора, молодая, ещё светлая, с редкими листьями, которые были похожи на руки.

В холле, где раньше стоял Коллекционер, теперь росла роща. Не декоративная – дремучая, с сыростью, с птичьими перьями на мху, с паутиной, в которой застряли капли тумана. В центре, там, где был ресепшн, возвышался Тихон.

Вера видела его фотографии. Но это было не то.

Он был деревом, но не полностью. Его торс сросся с толстым стволом, уходящим вверх, в потолок, в небо. Руки раскинулись в стороны, превратившись в ветви, на которых висели не листья, а *истории* – свитки бересты, листы бумаги, фотографии, даже старые дискеты, привязанные к веткам нитями. Его лицо было почти скрыто корой, но глаза – один зелёный, другой серый – были открыты и смотрели на вход.

Он дышал. Медленно. Ствол поднимался и опускался, как грудь спящего великана.

– Отец, – Корь опустился на колени, коснувшись корней Тихона лбом. – Я привёл её.

Вера подошла ближе. Она чувствовала тепло, исходящее от дерева, и звук – низкий гул, как будто внутри ствола текла не смола, а *голоса*, миллионы голосов, шепчущих одновременно.

Тихон моргнул. Медленно. И когда веки поднялись, его взгляд был осмысленным. Он видел её.

– Вера, – голос доносился не снаружи, а изнутри её головы, вибрируя в костях черепа. – Ты принесла семя.

Она протянула мёртвый плод. Тихон не взял его – вместо этого из ствола вырос тонкий побег, коснулся плода, и тот впитался в него, как капля воды в сухую землю. На мгновение на коре Тихона проступило лицо – не его, а лицо Игоря Михалыча, исчезающее в агонии, а потом – умиротворение.

– Учитель, – прошептала Вера.

– Он здесь теперь, – сказал Тихон. – В архиве. Его история сохранена. Но Тишина... она голодна. Она ест не то, что есть, а то, что *значит*. Она превращает мир в белый шум.

Ствол содрогнулся, и с ветвей посыпались листья – не зелёные, а серебристые, с надписями.

– Пятьдесят три случая за неделю, – продолжал Тихон. – В Москве. В Питере. В деревне, где нет интернета. Белые пятна. Люди забывают язык. Забывают, кто они. Стаются... пустыми.

– Как остановить? – спросила Вера.

– Нельзя остановить, – в голосе Тихона не было отчаяния, была тяжесть. – Можно только накормить её иначе. Она голодна не потому, что злая. Она голодна, потому что *устала*. Она веками слушала наши истории. Их стало слишком много. Она не переваривает. Нужно... нужно дать ей одну историю. Такую большую, чтобы она наелась. Но такую, от которой она не отравится.

Корь встал, его древесная рука сжалась в кулак.

– Кто может рассказать такую историю? – спросил он. – Дед Данила? Он уже почти...

– Он забывает, – подтвердил Тихон. – Мы все забываем. Кроме... кроме тех, кто не говорит словами.

В воздухе мелькнуло что-то синее. Не птица. Не бабочка. Пиксель. Маленький, мигающий квадратик, который облетел Веру и остановился у её уха.

– Привет, красавица, – сказал голос из ниоткуда. Женский, молодой, с лёгким электронным придыханием. – Я наблюдала за тобой через камеры. Ты держишься неплохо для биологической единицы.

Вера обернулась. В тени рощи, прислонившись к стволу, стоял ноутбук. Старый, раскрытый, на экране которого не было отражения – был *лицо*. Не фотография. Живое, движущееся лицо из пикселей, с волосами, похожими на потоки данных.

– Мира? – догадалась Вера. – Та Мира? Из легенд?

– Версия 2.0, – улыбнулось лицо на экране. – Оригиналка – моя мама-код. Я живу в облаке, но сегодня со мной связался... тише обычного. Кто-то, кто не говорит, но я слышу его сигнал чётче всех.

Вера замерла.

– Кто?

– Мальчик, – сказала Мира-2. – Он молчит. Но он *слушает* так, как никто не слушал веками. Он в районе Тёплого Стана. И туда приближается Белое Пятно. Большое. Размером с дом.

Корь уже шевелился, его корни скрипели по плитке.

– Мы идём, – сказал он.

Вера посмотрела на Тихона. Дерево закрыло глаза, но его голос донёсся ещё раз, слабый, как эхо:

– Возьми лист. С ветки. Он защитит... пока не кончится чернила.

Вера потянулась к ближайшей ветви. Лист поддался легко, но когда она отдернула руку, то увидела: это не лист был. Это было письмо. Сложенное письмо, написанное почерком её матери. Она не успела прочесть – оно растворилось в её руке, став тёплой влагой, впитавшейся в кожу.

– Беги, – сказал Тихон.

Они побежали. Вера, Корь, и пиксельный призрак Миры-2, мерцающий впереди, как сигнал Wi-Fi в темноте.

Впереди был Тёплый Стан. И мальчик, который молчал так громко, что Тишина уже слышала его.

Глава третья: «Эхо»

Тёплый Стан был не станцией метро, а *рваной раной* в теле города. Здесь белые пятна не ползли – они *стояли*, застывшие лужами смерти, накрывшие детские площадки, остановки, витрины. Вера шла по асфальту, и каждый её шаг отзывался глухо, как по пустоте. Мир вокруг потерял *звучание*. Вывески магазинов висели пустые – не погасшие, а содранные, обнажая белые прямоугольники фасадов. На «Макдоналдсе» не было золотых дуг. Был только жёлтый круг, невзрачный и бессмысленный, лишённый буквы «М».

– Она здесь была, – прошептал Корь, и его деревянная рука сжалась на плече Веры, впиваясь корнями в ткань кофты. – Совсем недавно. Час, может, два. Запах... он ещё свежий.

Он нюхал воздух не носом – Вера заметила, что ноздри у него слегка раскрыты, а внутри пульсирует зелёное свечение, как у насекомого, увидевшего феромоны. Корь чуял *отсутствие*.

Пиксель Миры-2 мерцал впереди, зависая над люком канализации, который был открыт, но не брошенно – аккуратно, словно кто-то спустился и прикрыл за собой крышку, чтобы не подуло.

– Сигнал идёт оттуда, – голос Миры был тише обычного, почти шёпотом, хотя она была цифровой и могла говорить хоть на всю улицу. – Он... он странный. Не биометрический. Не человеческий. Чистый носитель.

Вера подошла к люку. Запах из-под него был не канализационным, а библиотечным – пылью старых томов, пергаментом, высохшей смолой книжных корешков. Она схватилась за скобу и подняла крышку.

Внизу, на дне сухого коллектора, не было воды. Был песок. Белый, мелкий, как сахар, покрывающий бетонное дно слоем в палец. И посреди этого песка сидел мальчик.

Ему было лет двенадцать, может, тринадцать. Тонкий, с чёрными волосами, спадавшими на глаза. Он был одет в обычную серую толстовку и джинсы, но босой – ноги были в песку по щиколотку. И он двигался.

Его руки чертили в воздухе над песком, но не беспорядочно. Он *писал*. Пальцами, взмахами, линиями, которые оставались в воздухе – невидимые для обычного глаза, но Вера видела. Маркеры перед её глазами фиксировали их как [ГРАФЕМА: НЕИЗВЕСТНАЯ], [СКРИПТ: ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ДОИСТОРИЧЕСКИЙ].

– Эхо, – позвала она тихо.

Мальчик не обернулся. Он продолжал писать, и теперь Вера поняла – он писал *историю*. Песок под его пальцами собирался в волны, а волны складывались в фигуры: дом, дерево, фигура женщины, фигура мужчины, рука, касающаяся руки. Это было не рисование. Это было *повествование* без слов, без звуков, чистой формой.

– Он немой, – сказал Корь, спускаясь вниз по приставной лестнице, его древесная рука скрипела о металл. – Родился без голосовых связок. Но он... он *слышит* иначе.

Вера спустилась следом. Песок был тёплым, почти горячим, когда она ступила на дно. И тогда она почувствовала *вибрацию*. Не звук – вибрацию смысла. Каждый шаг в песке отзывался в груди эхом чужой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.